Иванкова Ирина Владимировна

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/5/60.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (48). С. 174-176. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

сам ее развивает, не давая партнеру по коммуникации вставить слово, высказать свое суждение. Субъективно он испытывает иллюзию полноценной коммуникации и, как правило, не замечает коммуникативного дискомфорта, который испытывает собеседник, что чревато коммуникативными конфликтами [2].

Таким образом, следование той или иной стратегии зависит от самого коммуниканта, а также от целей и результатов, которых он желает добиться от общения с партнером. Но если человек желает получить положительный результат от коммуникации, то ему следует использовать более «мирные» стратегии и тактики речевого поведения.

Список литературы

1. **Горелов И. Н.** Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 322 с.
2. **Гулакова И. И.** Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. Орел, 2004.
3. **Клюев Е. В.** Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998. 224 с.
4. **Baxter Ch.** Shadow Play: a novel. USA: Penguin Books, 1993. 400 p.
5. **Bronté E.** Wuthering Heights. London: Penguin Books, 1985. 373 p.
6. **Cronin A. J.** The Citadel. USA: Penguin Books, 1957. 435 p.

УДК 81′255.2

Ирина Владимировна Иванкова
Волгоградский государственный педагогический университет

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА©

В последнее время практические и теоретические проблемы художественного перевода все чаще становится предметом исследований ученых. Сложность и специфика художественного перевода заключается в том, что он требует от переводчика не только следования литературным нормам, использования соответствующих выразительных возможностей переводящего языка, но и сохранения эмоционально-эстетической информации, присущей художественным произведениям. Как замечает Т. А. Казакова, «переводчик создает не столько эквивалент оригинала, сколько его подобие, особый, вид текста, призванный представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре, обеспечивая тем самым дополнительную аудиторию исходному тексту, а также развитие межкультурной художественной коммуникации в соответствии с требованиями времени, характером литературных процессов и потребностями получателей, как владеющих, так и не владеющих исходным языком» [2, с. 23-24].

Современные теории переводоведения признают, что при переводе художественных текстов (а также текстов других функциональных стилей) неизбежны определенные смысловые потери, но элементы смысла, необходимые для правильной интерпретации текста художественного произведения, переводчик должен компенсировать в тексте перевода. Переводческий комментарий является одним из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе, обычно к нему прибегают, чтобы нивелировать расхождение в объеме фоновых знаний читателей оригинала и перевода и сделать доступным тот смысл, который невозможно передать в рамках текста перевода.

Проведенное нами исследование показывает, что переводческим комментарием снабжаются в первую очередь те факты, объекты и явления действительности, которые составляют культурный фонд определенного лингвокультурного сообщества, в который входят знания истории, литературы, географии и т.п. Создавая художественный текст, автор опирается на национальные, культурные и исторические традиции, выработанные обществом. При переводе текст «транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [7, с. 16].

Географические названия входят в состав культурного фонда, поэтому топонимы одной культуры могут носить лакунизированный характер для представителей другой лингвокультурной общности не только потому, что их нет в другой культуре, но и потому, что, как правило, они бывают включены в определенный социальный контекст. Это делает географические названия значимыми для носителей сходной культуры и лакунами для рецепторов перевода [3, с. 140].

Не подлежит сомнению, что географические названия могут иметь внутреннюю форму для представителей одной культуры, вызывать у них определенные ассоциации. Так, например, название деревни и острова Матёра, в котором корень и от слова *мать*, и от слова *материк*, символизирует не временное, что исчезнет вместе с краткосрочным поводом для названия, а систему этических ценностей, представляющую собой не-

© Иванкова И. В., 2011

что вечное, прочное, родовое. Противопоставленными оказываются унифицированные названия поселков, в которые должны переселиться жители Матеры: один поселок назвали Сосновка, так как леспромхоз добывает тут сосну; соседний поселок по этому же принципу получил название Березовка.

К Матере *«близко подчаливал другой остров, который называли то Подмогой, то Подногой. Подмога - понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь, а почему Поднога - ни одна душа бы не объяснила, а теперь не объяснит и подавно»* [4, с. 4].

Немецкий текст снабжен комментарием: **Podmoga = Beihilfe, Podnoga = was unter dem Fuß ist* (Подмога - помощь, поддержка, Поднога - то, что под ногой - *И. И.*).

В художественном тексте, являющемся продуктом социально-языковой деятельности человека, языковой формой культуры, содержится также и информация, имеющая общественно-исторический характер. Привлекаемые из немецкого языка факты показывают, что многие исторические факты различных периодов российской истории в большинстве случаев представляют собой для инокультурного реципиента различного рода лакуны, раскрытие которых осуществляется с помощью переводческого комментария, имеющего цель познакомить иноязычного читателя с незнакомым ему фрагментом русской истории и культуры:

Еще пока ели сорный хлебец со снятого осенью урожая, а уже глухая недоброжелательность к новому бригадиру распалялась по деревне.

- Пожарский опричничек.

- Хлебец-то для показу с председателем привез <…> [6, с. 143].

Noch aßen sie das verunkrautete Getreide von der letzten Ernte, aber schon verbreitete sich im Dorf stumme Abneigung gegen den neuen Brigadir.

„Der Posharer Opritschnik“.*

„Brot zum Angucken hat er uns mit dem Vorsitzenden gebracht“ [10, S. 113].

Немецкий текст снабжен пояснением **nach der berüchtigten Leibwache von Iwan dem Schrecklichen* (пользующаяся дурной славой личная охрана Ивана Грозного - *И. И.*). Как показывает приведенный пример, комментарии могут быть более или менее подробными, что вызвано, скорее всего, целями и задачами, стоящими перед переводчиком. В нашем случае переводчику необходимо было донести отрицательную оценку жителями деревни действий нового бригадира Сергея Лыкова, которого назначил его дядя, председатель самого сильного колхоза в области. В русском варианте негативная оценка выражена дополнительно суффиксальным способом (не *опричник* - *опричничек*).

Переводческий комментарий, как правило, выносится за пределы текста и попадает либо в сноску на той же странице, либо приводится в конце текста в качестве примечания. Однако тексты перевода могут быть снабжены и внутритекстовым комментарием. Сливаясь с авторским текстом, он незаметен читателям перевода:

Ничто не напоминало тут больницу, кроме стенной газеты «Онколог», выпущенной ***к седьмому ноября*** [5, с. 135].

Hier erinnerte nichts an die Klinik außer der Wandzeitung „Der Onkologe“ zum Jahrestag der Revolution [9, S. 148].

Для обеспечения понимания текста переводчик перемещает пресуппозитивную, фоновую для русского лингвосоциума информацию в открытый текст, т.е. прибегает к экспликации, иначе реалии чужой культуры могут так и остаться лакунами.

Очень часто переводчик добавляет в текст информацию, которая не до конца раскрывает смысл оригинала, но, тем не менее, позволяет читателю самому верно интерпретировать текст произведения:

- Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! - совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич! [1, с. 359].

„Für solche Beweise müsste man den Kant drei Jahre nach Solowki verbannen!“ stieß Besdomny überraschend hervor [8, S. 17].

В сознании русского человека XX в. название Соловки прочно ассоциируется с местом заключения, с Соловецким лагерем принудительных работ особого назначения, через который прошли тысячи человек, тогда как в немецком переводе понадобилась экспликация знаний, являющихся для русских фоновыми (употреблен глагол *verbannen* - *ссылать*, отсутствующий, но подразумеваемый в тексте оригинала).

Таким образом, переводческим комментарием снабжаются прежде всего знания, составляющие основу культурного фонда определенного лингвокультурного сообщества, разъяснение которых в тексте заняло бы слишком много места. Для выполнения своей основной задачи - компенсации смысла, который невозможно выразить в рамках текста, - переводческий комментарий должен носить лингвострановедческий характер и быть контекстуально ориентированным.

Список литературы

1. **Булгаков М. А.** Мастер и Маргарита // Записки покойника: сатирическая проза. Ташкент, 1990. С. 354-641.
2. **Казакова Т. А.** Художественный перевод: теория и практика. СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. 544 с.
3. **Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.** Сохранение и элиминирование национальной специфики оригинала при переводе драматургических текстов: постановка проблемы // Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989. С. 137-145.
4. **Распутин В. Г.** Прощание с Матёрой // Распутин В. Г. Повести. М.: Современник, 1991. С. 163-338.
5. **Солженицын А.** Раковый корпус. М.: Современник, 1991. 431 с.

6. **Тендряков В. Ф.** Кончина // Кончина: повести, рассказы. М.: Известия, 1990. С. 5-225.
7. **Швейцер А. Д.** Социолингвистические основы перевода // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 15-24.
8. **Bulgakow M.** Der Meister und Margarita. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. 528 S.
9. **Solschenizyn A.** Krebsstation. GmbH: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1989. 254 S.
10. **Tendrjakow W.** Das Ableben // Roman-Zeitung. 1989. № 7 (472). 176 S.

УДК 811.111-116.3

Алла Николаевна Ильина
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ©

В настоящее время языкознание по-прежнему продолжает интересовать изучение процессов, в результате которых образуется текст. В ходе формирования плана содержания текста, представляющего собой ситуативно-реляционную структуру, происходит взаимодействие единиц разных языковых уровней. Следовательно, при определении коммуникативно-содержательной роли языковых единиц в формировании теста становится необходимым выявление семантических отношений и взаимодействия содержательных сторон языковых единиц не только близлежащих уровней, но и в тексте.

Под понятием «имперсональность» подразумевается неозначенность субъекта действия, выраженного субъектно-объектным глаголом, при одновременной выраженности отношения данного действия к объекту. Иными словами, семантический субъект действия не получает языкового выражения в тексте. В сущности, категория имперсональности представляет собой залоговое понятие и, согласно теории диатез и залогов, соответствует определению залога «субъектный имперсонал» [4, с. 118]. Выделение категории имперсональности как текстовой категории представляется в данном случае правомерным, так как одной из задач лингвистики текста является описание и анализ интуитивно воспринимаемых признаков текста, возведение их в ранг грамматических категорий и выявление их взаимозависимости и взаимообусловленности, которые обеспечивают акт коммуникации в его прагматической направленности [Там же, с. 7].

Категория имперсональности представляет собой одну из важных коммуникативно-прагматических текстовых категорий, которая реализуется во всех типах текстов. Функционально-стилистическая значимость этой категории заключается в том, что выраженность или отсутствие выраженности авторского начала в тексте является одним из критериев разграничения функциональных стилей [2, с. 222]. Данная категория проявляется в тексте двояко: во-первых, она проявляется в степени выраженности авторского начала (функционально-стилистическая сторона), и, во-вторых, категория имперсональности может реализоваться в любом типе текста даже при наличии выраженности авторского начала (функционально-семантическая сторона). Функционально-семантическая значимость этой категории состоит в том, что автор по разным причинам не называет субъект действия, описываемого в том или ином тексте. Эти причины весьма разнообразны, но в целом их можно сгруппировать следующим образом: 1) автору неизвестен субъект действия; 2) автору нет необходимости называть субъект действия, который очевиден из контекста; 3) автор намеренно не называет субъект действия.

Именно функционально-семантический аспект категории имперсональности представляет для нас интерес, поскольку данная категория реализуется с помощью системы разноуровневых языковых единиц, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций. В нашем случае языковые средства, реализующие категорию имперсональности, служат одной цели - устранению субъекта действия либо из текста в целом, либо с позиции подлежащего предложения-высказывания. Под устранением мы подразумеваем языковое неозначивание семантического субъекта. Это значит, что при устранении семантического субъекта он не получает своего синтаксического оформления.

Функционально-семантическая значимость категории имперсональности состоит том, что автор, как уже отмечалось, по разным причинам не называет субъект описываемого действия. Данный аспект представляет для нас интерес с точки зрения реализации категории имперсональности в англоязычном тексте. Это обусловлено тем, что как функционально-семантическая категория, категория имперсональности является системой разноуровневых языковых средств, включающей как лексико-грамматические, так и синтаксические языковые единицы. Согласно нашим исследованиям, в эту систему входят личные местоимения с обобщенным значением (*we, they, you*), неопределенно-личные местоимения (*one, some-*), аналитическая форма (так называемый «безагенсный пассив») и, наконец, устойчивые синтаксические построения или клишированные обороты, в состав которых, как правило, входит безагенсный пассив. К устойчивым синтаксическим оборотам мы относим синтаксические построения типа *It is said that…* и так называемый субъектный инфинитив-

© Ильина А. Н., 2011